

ПОСЛЕ ЗЕМЛИ

КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОГИБЛО,
ОН ОСТАЛСЯ ОДИН

НИЯЗ ГРИД

Нияз Грид

После Земли

<https://litres.ru/74033373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бы вы сделали, если бы были астронавтом на МКС и однажды увидели, как на Земле начинается ядерная война?

Финик Нова — командир международной космической станции. Когда мир внизу погружается в огонь и хаос, он остается один на орбите. Связь с Землей исчезает. Запасы еды и кислорода постепенно заканчиваются. Надежды на спасение нет. И ему остается лишь наблюдать как страны уничтожают друг друга

Но спустя месяцы одиночества Финик получает загадочный сигнал от неизвестного космического ковчега под названием «Прометей». Там его ждут последние выжившие... или нечто гораздо более опасное.

Кому можно доверять, когда каждый скрывает свою правду? Где проходит грань между реальностью и безумием? И что страшнее: конец человечества или разум, который решил спасти людей любой ценой?

Напряженный научно-фантастический триллер о выживании, одиночестве, искусственном интеллекте и надежде, которая не гаснет даже после конца света.

Содержание

Глава 1. Взрыв	4
Глава 2. Неделю назад	16
Глава 3. Тишина	54
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Нияз Грид

После Земли

Глава 1. Взрыв

Взрыв.

Звук в космосе невозможен. Любой школьник знает это. Вакуум не способен передавать колебания воздуха, а значит, там, за тонкими стенками станции, царит абсолютная тишина.

Но когда взрыв происходит внутри твоего дома, летящего со скоростью почти восемь километров в секунду над поверхностью Земли, ты слышишь его очень хорошо.

Сначала пришел удар.

Мощный, внезапный, настолько сильный, что вся станция содрогнулась, будто столкнулась с невидимой стеной.

Затем появилась вибрация.

Она прошла через металлический каркас, через переборки, поручни, оборудование и тело Финика Новы, заставив задрожать каждую кость.

Только потом включилась сирена.

До этого момента его день был совершенно обычным.

Настолько обычным, насколько вообще может быть обычным день человека, живущего на орбите.

Финик находился в американском лабораторном модуле и занимался рутинной проверкой данных системы регенерации воздуха. Работа была скучной, но необходимой. Большая часть жизни на станции состояла именно из таких задач. В представлении людей на Земле астронавты постоянно делали открытия, смотрели на галактики и совершали подвиги.

На практике же девяносто процентов времени уходило на обслуживание сложнейшей машины, внутри которой находились люди.

Станция напоминала огромный плавучий город, только вместо океана вокруг нее была бесконечная чернота.

И эта машина требовала постоянного внимания.

Финик уже почти закончил работу и как раз думал о том, что вечером сможет посмотреть очередное сообщение от сестры, когда удар выбросил его из креплений.

Мир перевернулся.

Монитор перед глазами исчез.

Поручни, контейнеры и инструменты сорвались со своих мест.

Тело Финика полетело через отсек.

Плечо врезалось в переборку.

Перед глазами вспыхнули белые искры.

На несколько секунд он потерял ориентацию в пространстве.

В космосе человеку и без того постоянно приходится напоминать себе, где верх и где низ. После такого удара мозг

окончательно перестает понимать, что происходит.

Когда зрение прояснилось, он увидел мигающий красный свет.

Затем услышал вой аварийной сигнализации.

Громкий.

Настойчивый.

Безжалостный.

Станция никогда не включала такую тревогу без причины.

Финик почувствовал, как внутри все сжалось.

Не от страха.

Пока еще нет.

От мгновенного выброса адреналина.

Организм уже понял, что произошло что-то очень плохое.

Сознание только начинало догонять.

Он схватился за поручень и остановил свое вращение.

Воздух пах металлом.

Странно.

На станции всегда существовал легкий металлический запах, но сейчас он стал сильнее.

Будто кто-то только что вскрыл огромную консервную банку.

На панели управления одна за другой вспыхивали ошибки.

Красные.

Желтые.

Оранжевые.

Предупреждения накладывались друг на друга настолько быстро, что компьютер едва успевал их выводить.

Падение давления.

Ошибка энергосистемы.

Нарушение связи между сегментами.

Повреждение внешнего контура.

Потеря данных телеметрии.

Финик посмотрел на экран несколько секунд.

Потом почувствовал неприятный холод в груди.

Он работал на станции достаточно долго, чтобы понимать одну простую вещь.

Когда система показывает одну ошибку — это проблема.

Когда две — неприятность.

Когда двадцать одновременно — происходит катастрофа.

— Центр управления, это Нова. Прием.

Его голос прозвучал неожиданно спокойно.

Тренировки.

Сотни часов тренировок.

В таких ситуациях мозг переключался на профессиональные рефлексы раньше, чем успевала начаться паника.

Из динамиков донесся только шум.

Шипение.

Треск.

Ничего больше.

Финик нахмурился.

— Центр управления, это Международная космическая

станция. Произошла авария. Подтвердите прием.

Снова тишина.

Он переключил канал.

Затем другой.

Потом резервную частоту.

После этого аварийную.

Результат оказался одинаковым.

Никто не отвечал.

Сирена продолжала завывать.

Финик почувствовал, как в голове начинают возникать первые вопросы.

Что произошло?

Что ударило по станции?

Почему молчит Земля?

И главный вопрос.

Насколько все плохо?

Он быстро открыл карту комплекса.

Трехмерная схема станции медленно повернулась перед ним.

Именно тогда он впервые понял, что ситуация гораздо серьезнее, чем казалось.

Один из сегментов отсутствовал.

Не был поврежден.

Не показывался красным цветом.

Не находился в аварийном режиме.

Его просто не было.

Компьютер отображал пустое пространство там, где должен был находиться модуль.

Финик моргнул.

Затем приблизил изображение.

Ошибки не было.

Система действительно считала, что часть станции перестала существовать.

По позвоночнику пробежал холодок.

Он видел фотографии столкновений спутников.

Видел последствия попаданий космического мусора.

Видел учебные симуляции разрушений.

Но никогда не сталкивался с чем-то подобным в реальности.

Он активировал внешние камеры.

Изображение появилось не сразу.

Сначала монитор оставался черным.

Потом возникла россыпь белых точек.

Звезды.

Наконец камера сфокусировалась.

И Финик замер.

Прямо перед станцией медленно удалялось облако обломков.

Сотни.

Нет.

Тысячи фрагментов.

Они вращались в солнечном свете, отражая его тысячами

вспышек.

Картина выглядела почти красивой.

Если забыть, что каждый из этих блестящих осколков летел со скоростью, способной пробить корпус станции насквозь.

Финик почувствовал, как его желудок неприятно сжался.

Он узнал некоторые детали.

Фрагмент солнечной панели.

Часть внешней фермы.

Кусок антенны связи.

Обломок теплоизоляционного покрытия.

Это были части их дома.

Части станции.

Части единственного места в радиусе сотен километров, где существовал воздух.

Он быстро переключился между камерами.

С разных ракурсов картина выглядела еще хуже.

Станция получила серьезное повреждение.

Очень серьезное.

Однако оставалась целой.

Пока.

Именно это слово заставило его двигаться дальше.

Пока.

Пока она еще функционировала.

Пока внутри оставался воздух.

Пока работали системы жизнеобеспечения.

Пока существовал шанс выжить.

Финик заставил себя отвернуться от экрана.

Любоваться катастрофой было бессмысленно.

Необходимо было действовать.

Он оттолкнулся от поручня и направился к центральному отсеку.

Красный аварийный свет превращал знакомые коридоры станции в нечто чужое.

Тени казались длиннее.

Проходы — уже.

Даже звуки изменились.

Обычно внутри станции постоянно слышалось мягкое гудение вентиляторов и насосов.

Сейчас к нему добавились новые шумы.

Щелчки.

Скрипы.

Металлические стоны конструкции.

Словно сама станция испытывала боль.

Финик внезапно вспомнил слова одного старого астронавта.

Тот говорил, что после нескольких месяцев на орбите начинаешь воспринимать станцию как живое существо.

Она дышит вентиляторами.

Разговаривает вибрациями.

Предупреждает скрипами.

И если внимательно слушать, можно почувствовать ее на-

строение.

Тогда Финик посмеялся над этой мыслью.

Сейчас ему было не до смеха.

Станция явно пыталась сказать, что дела плохи.

Очень плохи.

Добравшись до центрального узла, он проверил показатели давления.

К счастью, падение происходило медленно.

Значит пробоина либо небольшая, либо часть отсеков уже автоматически герметизировалась.

Это давало время.

Не много.

Но достаточно, чтобы разобраться.

Он снова включил связь.

— Хьюстон, ответьте.

Тишина.

— Кто-нибудь, ответьте.

Тишина.

— Любая наземная станция. Прием.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Финик медленно опустил руку.

Именно тогда он впервые почувствовал настоящий страх.

Не из-за повреждений станции.

Не из-за утечки воздуха.

Не из-за возможной гибели.

Нет.

Страх вызвала сама тишина.

За годы космической программы человечество привыкло, что связь существует всегда.

Между кораблями.

Между континентами.

Между планетой и орбитой.

Даже на расстоянии в сотни километров человек никогда не оставался полностью один.

Сейчас же создавалось ощущение, будто вся Земля внезапно исчезла.

Словно миллиарды голосов разом замолчали.

И эта мысль оказалась страшнее любых сирен.

Чтобы отвлечься, Финик направился к обзорному модулю.

Самому любимому месту на станции.

Обычно отсюда открывался вид, который невозможно описать словами.

Вид, заставлявший каждого астронавта чувствовать себя одновременно самым маленьким и самым счастливым человеком во Вселенной.

Но сегодня он искал не красоту.

Он искал ответы.

Подлетев к иллюминатору, Финик посмотрел вниз.

Под ним медленно проплывала Земля.

Огромная.

Спокойная.

Невероятно прекрасная.

На первый взгляд все выглядело нормально.

Белые облака.

Синие океаны.

Тонкая голубая линия атмосферы.

Планета казалась такой же, как вчера.

И позавчера.

И неделю назад.

Он уже собирался отвернуться, когда заметил что-то странное.

На ночной стороне Земли появилась вспышка.

Очень яркая.

Настолько яркая, что ее было видно даже с орбиты.

Финик нахмурился.

Вспышки случались постоянно.

Грозы.

Запуски ракет.

Крупные пожары.

Но эта выглядела иначе.

Слишком мощной.

Слишком резкой.

Он перевел изображение на внешнюю камеру и увеличил масштаб.

Система несколько секунд настраивала фокус.

Наконец картинка стала четче.

Финик ожидал увидеть обычную грозу.

Или атмосферное явление.

Но вместо этого заметил длинную светящуюся полосу.

Она тянулась через темную часть континента на сотни километров.

Идеально прямая.

Слишком прямая для природного явления.

Слишком большая для человеческой ошибки.

Он почувствовал неприятное покалывание в затылке.

Камера продолжала передавать изображение.

Линия света постепенно угасала.

Но ее место занимали новые вспышки.

Далеко за горизонтом.

Одна.

Потом вторая.

Потом третья.

Финик не понимал, что видит.

Но впервые с момента взрыва его внимание полностью переключилось со станции на Землю.

Потому что где-то глубоко внутри появилась мысль, которую он пока не решался произнести вслух.

Возможно, проблема была не здесь.

Возможно, проблема находилась там, внизу.

На планете, которая никогда прежде не казалась ему такой далекой.

Глава 2. Неделю назад

Члены экипажа:

Финик Нова (38 лет)

Командир экспедиции. Спокойный, рассудительный, опытный. Уже третий полет в космос. После смерти родителей фактически вырастил младшую сестру. Именно поэтому семья для него важнее карьеры.

Эмма Родригес (34 года)

Бортинженер.

Испанка с невероятным чувством юмора.

Всегда шутит даже в стрессовых ситуациях.

Мечтает после возвращения открыть маленькое кафе возле океана.

Кира Волкова (31 год)

Биолог.

Русская.

Спокойная, немного замкнутая.

Постоянно выращивает растения для экспериментов.

После возвращения хочет провести целое лето на Байкале без телефонов и интернета.

Лейла Хаддад (29 лет)

Врач экипажа.

Француженка с ливанскими корнями.

Очень энергичная.

Постоянно занимается спортом.

Собирается пробежать марафон сразу после реабилитации на Земле.

Джек Уокер (35 лет)

Инженер систем жизнеобеспечения.

Американец.

Главный шутник станции.

Любитель старых фильмов и барбекю.

Мечтает провести месяц на ранчо своего отца.

Такеши Мори (42 года)

Специалист по робототехнике.

Японец.

Самый старший после Финика.

Очень спокойный.

Любит фотографировать Землю.

После возвращения хочет наконец увидеть рождение своей внучки.

Финик Нова проснулся за несколько секунд до сигнала будильника.

За девять месяцев на орбите организм научился жить по расписанию лучше любых часов.

Некоторое время он просто лежал с открытыми глазами, наблюдая за маленьким светодиодом на противоположной стенке своей каюты.

Точнее, не лежал.

Висел.

К этому он так и не привык окончательно.

Где-то глубоко внутри мозг по-прежнему ожидал ощущения кровати под спиной, тяжести собственного тела, давления подушки под головой.

Но вместо этого вокруг была невесомость.

Абсолютная.

Безжалостная.

Прекрасная.

Он медленно расстегнул крепления спального мешка и выскользнул наружу.

Крошечная каюта осталась позади.

На одной из стен висела фотография его и младшей сестры Сары, сделанная много лет назад на берегу океана.

На другой был прикреплен детский рисунок племянника.

Ракета.

Планета.

Несколько звезд.

И надпись кривыми буквами:

«Дядя Финик в космосе».

Он улыбнулся.

Потом оттолкнулся от стены и выплыл в коридор станции.

МКС только начинала просыпаться.

Вентиляторы ровно гудели в глубине модулей.

Работали насосы.

Мигали индикаторы.

Станция жила своей привычной жизнью.

За месяцы полета Финик научился различать ее настроение по звукам.

Сегодня все звучало спокойно.

Стабильно.

Так, как и должно было.

Он уже собирался направиться к санитарному модулю, когда услышал чей-то возмущенный голос.

— Нет. Нет, нет и еще раз нет!

Финик невольно усмехнулся.

Он узнал этот голос мгновенно.

Кира.

Следом раздался второй голос.

Абсолютно невозмутимый.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Джек.

Финик вздохнул.

День начинался совершенно нормально.

Он оттолкнулся от поручня и поплыл в сторону лабораторного модуля.

Картина, открывшаяся перед ним, оказалась именно такой, какой он ожидал.

Кира Волкова зависла перед секцией биологических экспериментов со скрещенными руками.

Перед ней виновато улыбался Джек Уокер.

Точнее, пытался выглядеть невиновным.

Получалось плохо.

— Что случилось? — спросил Финик.

Кира указала пальцем на контейнеры с растениями.

— Посмотри.

Финик подплыл ближе.

На каждом контейнере красовалась свежая наклейка.

На первом было написано:

«Генерал Базилик».

На втором:

«Капитан Огурцов».

На третьем:

«Адмирал Петрушка».

Финик закрыл глаза.

— Джек...

— Что? — невинно спросил тот.

— Зачем?

— Они выглядели слишком серьезными.

— Это научный эксперимент, — сказала Кира.

— А теперь это научный эксперимент с характером.

— Ты дал растениям воинские звания.

— Они заслужили.

— Каким образом?

— Выжили девять месяцев рядом с тобой.

Финик не выдержал и рассмеялся.

Кира посмотрела на него с видом человека, которого только что предали.

— Даже ты?

— Прости.

— Не прощу.

— Она простит, — уверенно заявил Джек.

— Не прощу.

— Через пять минут.

— Через десять.

— Значит прогресс уже есть.

Кира закатила глаза.

Но уголки ее губ все-таки дрогнули.

Финик заметил это и мысленно отметил очередную победу Джека.

Мало кто умел заставить Киру улыбнуться.

Особенно в шесть утра.

— Ладно, — сказал Финик. — Через пятнадцать минут общий завтрак.

— Уже иду, командир, — ответил Джек.

— А наклейки?

— Останутся.

— Джек.

— Хорошо. После возвращения на Землю заберу их с собой.

— Отлично.

— Мне кажется, мы только что договорились.

Финик покачал головой и отправился дальше.

Станция постепенно оживала.

Из медицинского отсека появилась Лейла Хаддад.

Она уже была в спортивной форме и выглядела так, словно успела пробежать марафон еще до завтрака.

— Доброе утро, командир, — сказала она.

— Ты вообще спала?

— Конечно.

— Сколько?

— Четыре часа.

— Это не сон.

— Для меня достаточно.

— Когда-нибудь ты все-таки сломаешься.

— Когда-нибудь.

Лейла улыбнулась и исчезла за поворотом.

Следующим он встретил Такеши Мори.

Японский специалист по робототехнике как обычно держал в руках камеру.

— Ты фотографировал рассвет? — спросил Финик.

— Два рассвета.

— Сколько сейчас снимков?

Такеши на секунду задумался.

— Тридцать одна тысяча семьсот сорок два.

— Ты реально считаешь.

— Конечно.

— Меня это пугает.

— Меня тоже, — спокойно согласился Такеши.

Через несколько минут экипаж начал собираться в общем модуле.

Если бы кто-нибудь увидел их сейчас, он бы удивился тому, насколько обыденной выглядела жизнь в космосе.

Никаких героических поз.

Никаких драматических речей.

Шесть человек просто собирались завтракать.

Эмма Родригес появилась последней.

Как обычно.

— Опаздываешь, — заметил Финик.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Эмма.

— Я инженер.

— И что?

— Инженеры не опаздывают.

— Тогда почему ты пришла последней?

— Потому что остальные пришли слишком рано.

Джек громко засмеялся.

— Это лучшая логика недели.

— Спасибо, — ответила Эмма.

Они закрепили пакеты с едой на столе.

В условиях невесомости любой завтрак требовал небольшой инженерной подготовки.

Стоило отвлечься — и содержимое тарелки могло отправиться исследовать станцию самостоятельно.

— Через двадцать восемь часов я буду есть настоящий

бекон, — мечтательно произнес Джек.

— Ты говоришь об этом уже месяц, — заметила Кира.

— Потому что это важно.

— Ты говоришь о беконе так, будто он член семьи.

— Некоторые члены семьи приносят меньше радости.

Эмма едва не подавилась кофе.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— Я обязательно расскажу это твоим родственникам.

— Они согласятся.

Разговоры текли легко.

Без напряжения.

Без необходимости подбирать слова.

За месяцы совместной работы они давно перестали быть просто коллегами.

Космос вообще быстро стирает лишние формальности.

Когда люди живут в нескольких десятках метров друг от друга почти год, они начинают знать друг друга слишком хорошо.

Кто храпит.

Кто разговаривает во сне.

Кто первым просыпается.

Кто оставляет инструменты не на месте.

Кто съедает последний шоколадный батончик.

Финик слушал их разговоры и думал о том, как быстро пролетело время.

Казалось, совсем недавно он встречал этот экипаж на станции.

А теперь завтра пятеро из них отправятся домой.

Странное чувство.

Будто заканчивается какая-то важная глава жизни.

— Ты опять задумался, — сказала Эмма.

— Возможно.

— О том, как сильно будешь по нам скучать?

— Конечно нет.

— Врет, — немедленно заявил Джек.

— Врет, — поддержала Лейла.

— Врет, — неожиданно согласился Такеши.

Все посмотрели на него.

— Что? — спросил он.

— Ты сказал больше одного слова подряд, — удивилась Эмма.

— Такое бывает.

— Раз в год.

Смех прокатился по модулю.

Финик посмотрел на своих друзей и неожиданно поймал себя на мысли, что действительно будет скучать.

Даже по Джеку.

Особенно по Джеку.

Хотя никогда не признался бы в этом вслух.

После завтрака станция постепенно вернулась к своему привычному ритму.

На Земле многие представляли себе жизнь астронавтов как бесконечную череду захватывающих открытий. В воображении людей космос всегда выглядел местом приключений, где каждый день происходило что-то историческое.

Реальность была намного спокойнее.

Большую часть времени астронавты занимались работой.

Очень важной.

Очень сложной.

И временами очень скучной.

Финик как раз закончил утренний брифинг и просматривал расписание, когда в наушниках раздался голос Эммы.

— Командир, если я скажу, что все системы работают идеально, это будет считаться нарушением техники безопасности?

— Да, — ответил Финик.

— Я так и думала.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ничего?

— Именно. Все работает.

— Тогда наслаждайся моментом.

— Вот это уже выглядит подозрительно.

Финик улыбнулся и отключил связь.

Эмма не могла прожить день без сарказма. Иногда ему казалось, что именно сарказм и удерживает станцию на орбите.

Он направился в исследовательский модуль, где работала

Кира.

Биологическая лаборатория всегда выглядела иначе, чем остальные отсеки станции.

Среди металла, проводов и компьютеров здесь находилось то, чего особенно не хватало в космосе.

Жизнь.

Настоящая жизнь.

Растения плавно покачивались внутри прозрачных контейнеров.

Зеленые листья выглядели почти чужеродно на фоне белых стен станции.

Кира зависла перед одним из модулей и что-то записывала в планшет.

— Как дела у генерала Базилика? — спросил Финик.

Она даже не повернулась.

— Если ты пришел шутить, дверь находится вон там.

— Уже заразился от Джека.

— Это лечится?

— Пока нет.

Кира наконец посмотрела на него и покачала головой.

— Вся эта станция постепенно деградирует.

— Ты говоришь это каждый месяц.

— Потому что каждый месяц убеждаюсь в этом заново.

Несколько секунд они наблюдали за растениями.

— Знаешь, — неожиданно сказала Кира, — по ним я буду скучать больше всего.

— Даже больше, чем по нам?

— Намного больше.

— Честно.

— Ты сам попросил честно.

Финик рассмеялся.

Кира тоже улыбнулась.

Ненадолго.

Но этого было достаточно.

Позже он заглянул к Такеши.

Японец висел возле огромного иллюминатора с камерой в руках.

Финик даже не удивился.

— Дай угадаю. Фотографируешь Землю.

— Верно.

— Не устал?

— От чего?

— Смотреть на одно и то же.

Такеши посмотрел на него так, будто услышал нечто странное.

— Это никогда не одно и то же.

Он развернул экран камеры.

Финик увидел десятки снимков.

Облака.

Горы.

Города.

Побережья.

Северное сияние.

Грозовые фронты.

Океаны.

— Каждый раз планета выглядит иначе, — сказал Такеши.

— Люди внизу этого не замечают.

— Почему?

— Потому что находятся слишком близко.

Финик задумался.

Пожалуй, в этом была правда.

Иногда космос позволял увидеть привычные вещи совершенно иначе.

Через несколько часов рабочий день подошел к середине.

В станции стало непривычно тихо.

Каждый был занят своими задачами.

Именно поэтому сигнал входящего вызова заставил Финика улыбнуться еще до того, как он увидел экран.

Сара.

Он быстро принял вызов.

Лицо сестры появилось на мониторе почти мгновенно.

— С днем рождения, старик.

— Тридцать восемь — это не старик.

— Для космонавта уже почти антиквариат.

— А ты, как всегда, очень добра.

— Я стараюсь.

Финик невольно улыбнулся.

Сара выглядела точно так же, как и неделю назад.

И две недели назад.

И месяц назад.

Но каждый раз после долгого пребывания на орбите лица родных казались удивительно живыми.

Будто принадлежали другому миру.

Миру с деревьями.

Дождем.

Запахами.

Ветром.

Миру, которого здесь не было.

— Как дела дома? — спросил он.

— Все хорошо.

— А где мой любимый племянник?

— Секунду.

Сара исчезла из кадра.

Через мгновение появился мальчишка лет десяти.

— Привет, дядя!

— Привет, чемпион.

— Ты правда сейчас в космосе?

— Уже почти год.

— Это круто.

— Согласен.

— А инопланетян видел?

— Ни одного.

— Жаль.

— Мне тоже.

— Если увидишь, сфотографируй.

— Договорились.

Мальчик серьезно кивнул.

Словно только что заключил важнейшее соглашение в истории человечества.

Следующие двадцать минут они разговаривали обо всем подряд.

О школе.

О доме.

О друзьях.

О старом лабрадоре, который неожиданно решил, что диван принадлежит исключительно ему.

О жизни.

Самой обычной жизни.

Именно той, по которой астронавты скучают сильнее всего.

Наконец Сара улыбнулась.

— Через пару месяцев вернешься домой.

— Через пару месяцев.

— Уже придумал, что будешь делать первым делом?

— Спать.

— Очень вдохновляющий ответ.

— Потом есть.

— Еще лучше.

— Потом спать еще раз.

Сара рассмеялась.

— Я серьезно.

— Я знаю.

— А потом уже можно думать о великих делах.

Они поговорили еще немного.

Потом связь закончилась.

Экран погас.

И на несколько секунд модуль снова наполнился привычной тишиной станции.

Финик посмотрел на свое отражение в черном экране.

Он действительно скучал по дому.

Не постоянно.

Не каждую минуту.

Но иногда.

В такие моменты особенно сильно.

В наушниках внезапно раздался голос Эммы.

— Командир, срочно нужна помощь.

Финик нахмурился.

— Что случилось?

— Лучше покажу.

— Насколько срочно?

— По десятибалльной шкале примерно на девять.

— Девять?

— Может даже девять с половиной.

Финик немедленно оттолкнулся от стены.

— Где ты?

— В обзорном модуле.

— Уже лечу.

Он быстро пересек несколько отсеков.

Мысль работала автоматически.

Если проблема настолько серьезная, почему никто больше не выходит на связь?

Почему тревога не активирована?

Почему...

Он влетел в обзорный модуль.

Свет мгновенно погас.

Финик замер.

— Что за...

В следующее мгновение вспыхнули лампы.

И весь экипаж одновременно закричал:

— С днем рождения!

На несколько секунд он потерял дар речи.

Перед ним висел самый нелепый торт в истории космонавтики.

Он был собран из шоколадных батончиков, фруктовой пасты, печенья и какого-то количества инженерной магии.

Половина конструкции удерживалась пластиковыми фиксаторами.

Другая половина, судя по всему, исключительно верой экипажа в лучшее.

— Вы серьезно? — наконец спросил Финик.

— Очень серьезно, — ответила Эмма.

— Это безопасно вообще?

— Нет, — сказал Джек.

— Абсолютно нет, — добавила Лейла.

— Мы проводили расчеты, — невозмутимо сообщил Такеши.

— Он врет, — сказала Кира.

— Да, я вру, — согласился Такеши.

На секунду наступила тишина.

Потом все рассмеялись.

Даже сам Такеши.

Кажется, впервые за всю экспедицию настолько громко.

— Ладно, — сказал Финик, качая головой. — Признаю.

Это лучший космический торт, который я видел.

— Потому что других не существует, — заметил Джек.

— Не разрушай магию момента.

Они снова рассмеялись.

За огромными иллюминаторами медленно проплывала Земля.

А впереди их ждал длинный вечер разговоров, воспоминаний и прощания перед завтрашним возвращением домой.

Некоторое время никто даже не пытался расходиться по своим делам.

Да и какой смысл?

Завтра экспедиция заканчивалась для пятерых из шести членов экипажа.

Последние рабочие задачи были почти завершены.

Основные отчеты отправлены на Землю.

Грузы подготовлены к возвращению.

Системы проверены.

Впервые за многие месяцы они могли позволить себе просто остановиться.

Не потому что обязаны.

А потому что хотели.

Торт закрепили в центре обзорного модуля при помощи нескольких ремней и магнитных держателей.

Конструкция выглядела настолько ненадежно, что Финик ожидал ее разрушения каждую секунду.

Но каким-то чудом она продолжала существовать.

— Знаете, что меня беспокоит? — сказал он, разглядывая десерт.

— Что именно? — спросила Эмма.

— Никто так и не объяснил, из чего это сделано.

— Это секретный рецепт, — ответил Джек.

— Тогда я не буду это есть.

— Поздно.

— Почему поздно?

— Ты уже съел два куска.

Финик посмотрел на остатки торта.

Потом на Джека.

Потом снова на торт.

— Теперь мне страшно.

— Мне тоже, — призналась Лейла.

— Ты же помогала его готовить.

— Именно поэтому мне страшно.

Смех снова заполнил модуль.

Он звучал удивительно естественно.

Без натяжки.

Без попыток специально создать хорошее настроение.

Когда люди долго живут вместе, наступает момент, когда им уже не нужно стараться быть друзьями.

Они просто становятся ими.

За огромным куполом иллюминаторов медленно проплыла ночная сторона Земли.

Города светились золотыми нитями.

Континенты исчезали под облаками.

Где-то далеко сверкали грозы.

Финик до сих пор не мог привыкнуть к этому зрелищу.

Сколько бы месяцев ни прошло.

Сколько бы восходов он ни увидел.

Каждый раз планета выглядела так, будто он наблюдал ее впервые.

— Интересно, — задумчиво произнесла Эмма, глядя вниз, — сколько людей сейчас смотрят в телефоны?

— Миллиарды, — ответил Джек.

— Ужас.

— Почему ужас?

— Потому что они пропускают вот это.

Она указала на иллюминатор.

Некоторое время все молчали.

Иногда космос сам становился темой разговора.

И тогда уже не требовалось никаких слов.

Первой тишину нарушила Лейла.

— Не могу поверить, что завтра возвращаюсь домой.

— Нервничаешь? — спросил Финик.

— Немного.

— Из-за посадки?

— Нет.

— Тогда из-за чего?

Лейла пожала плечами.

— Из-за обычной жизни.

— Обычной жизни? — переспросил Джек.

— Да. Здесь все понятно. Проснулся, работаешь, тренируешься, проводишь эксперименты, разговариваешь с вами. Каждый день расписан по минутам.

— А дома?

— Дома нужно снова принимать решения.

— Это ужасно, — согласился Джек.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Кира тихо усмехнулась.

Финик заметил это и улыбнулся.

Еще полгода назад она почти не участвовала в подобных разговорах.

Теперь все изменилось.

Постепенно.

Незаметно.

Как это обычно бывает.

— А ты? — спросил он, повернувшись к Кире. — Уже решила, чем займешься на Байкале?

— Ничем.

— Это не ответ.

— Это именно ответ.

— Хорошо, тогда сформулируй подробнее.

Кира вздохнула так, будто ее заставляли писать научную диссертацию.

— Ладно. Я сниму домик на берегу.

— Дальше.

— Буду читать книги.

— Дальше.

— Гулять.

— Дальше.

— Смотреть на воду.

— Дальше.

— Почему тебя не устраивают мои ответы?

— Потому что ты рассказываешь об отпуске так, словно собираешься стать лесным духом.

— Звучит неплохо.

— Она серьезно, — сказала Эмма.

— Я знаю, — рассмеялся Финик.

Кира тоже улыбнулась.

На этот раз шире обычного.

Потом взгляд всех естественным образом переместился к Такеши.

Тот сразу понял, что стал следующей целью.

— Нет, — спокойно сказал он.

— Да, — ответил Джек.

— Нет.

— Да.

— Я не участвую в этом разговоре.

— Уже участвуешь.

Такеши посмотрел на Землю за стеклом.

На его лице появилась та самая спокойная улыбка, которая возникала каждый раз, когда речь заходила о семье.

Он достал планшет.

Открыл фотографию.

И показал ее остальным.

Маленькая девочка.

Не больше года.

Огромные темные глаза.

Широкая улыбка.

— Ваша внучка? — спросила Лейла.

Такеши кивнул.

— Красавица, — сказала Эмма.

— Знаю.

— Скромностью ты явно не страдаешь.

— В этом вопросе нет.

Он продолжал смотреть на фотографию несколько се-

кунд.

— Она родилась через две недели после моего старта.

Модуль ненадолго затих.

Все знали эту историю.

Но каждый раз она звучала одинаково трогательно.

— Получается, вы еще ни разу не держали ее на руках?

— тихо спросил Финик.

— Нет.

— И завтра наконец сможете.

Такеши кивнул.

— Ради этого стоило ждать.

Никто не стал шутить.

Иногда некоторые моменты были слишком важны.

Через минуту разговор вновь оживился.

На этот раз очередь дошла до Эммы.

— Значит кафе возле океана? — спросила Лейла.

— Да.

— Ты говоришь об этом уже несколько лет.

— Потому что это идеальный план.

— Ты астронавт.

— Именно поэтому.

— Не понимаю связи.

— Очень просто, — сказала Эмма. — Я полжизни провела среди техники, двигателей, компьютеров и металла.

Она посмотрела на окружающие стены станции.

— Не поймите меня неправильно. Я люблю все это. Но

однажды мне захочется просыпаться и думать о кофе, а не о датчиках давления.

— А если соскучишься?

— Тогда поставлю кофемашину под неправильным углом и буду чинить ее каждый день.

Все рассмеялись.

Даже Такеши.

Что становилось все более подозрительным.

— А ты, Джек? — спросил Финик.

— Что я?

— Расскажи про свой великий жизненный план.

— Он гениален.

— Мы готовы.

— Спасибо.

Джек сделал максимально серьезное лицо.

— Итак. Первым делом я поеду на ранчо к отцу.

— Это мы знаем.

— Потом съем стейк.

— Предсказуемо.

— Потом еще один.

— Очень предсказуемо.

— Потом мы будем ремонтировать старый пикап.

— Наконец-то что-то новое, — заметила Эмма.

— После чего я съем третий стейк.

— Все испортил.

— Нет, это кульминация истории.

Смех снова заполнил модуль.

Финик слушал их разговоры и чувствовал странное спокойствие.

Словно весь мир сейчас сократился до размеров этого небольшого пространства.

Шести человек.

Нескольких иллюминаторов.

И планеты за стеклом.

Никаких отчетов.

Никаких инструкций.

Никаких дедлайнов.

Просто вечер.

Хороший вечер.

Из тех, которые потом вспоминаются спустя годы.

— А теперь самое интересное, — сказала Эмма.

— Нет, — сразу ответил Финик.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Мне не нравится направление разговора.

— Поздно.

— Согласна, — поддержала Лейла.

— Абсолютно поздно, — кивнул Джек.

— Даже не начинайте.

— Какие планы у тебя после возвращения домой? — спросила Эмма.

Все одновременно посмотрели на него.

Финик покачал головой.

Он знал, что избежать ответа не получится.

— Ничего особенного.

— Врет, — сказал Джек.

— Снова врёт, — поддержала Лейла.

— Профессионально врёт, — добавила Эмма.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Финик посмотрел на Землю.

На тонкую голубую линию атмосферы.

На океаны.

На облака.

Потом пожал плечами.

— Если честно, я просто хочу домой.

На этот раз никто не пошутил.

Потому что все прекрасно поняли, что он имеет в виду.

Не отпуск.

Не путешествия.

Не новые достижения.

Дом.

То место, где тебя ждут.

Где можно выключить телефон.

Сесть на диван.

Открыть окно.

И никуда не спешить.

— Это хороший план, — наконец сказал Такеши.

— Лучший из всех, — согласилась Лейла.

Финик улыбнулся.

За стеклом медленно проплывала Земля.

Внизу горели города.

Где-то далеко люди жили своей жизнью, даже не подозревая о шестерых астронавтах, которые сейчас зависли между небом и пустотой и обсуждали свои мечты.

И в этот момент Финику показалось, что впереди их всех ждет что-то хорошее.

Просто потому, что иначе и быть не может.

Постепенно вечер начал подходить к концу.

Не потому, что кому-то хотелось расхотеться.

Просто даже в космосе существовало расписание.

Особенно накануне возвращения экипажа домой.

Корабль должен быть подготовлен.

Грузы проверены.

Личные вещи упакованы.

Документация завершена.

Последний рабочий день экспедиции всегда получался немного странным.

С одной стороны — работа еще не закончилась.

С другой — мысленно люди уже начинали возвращаться на Землю.

— Ладно, бездельники, — объявил Финик. — Пора вспомнить, что нам вообще-то платят не за поедание торта.

— Очень спорное заявление, — возразил Джек.

— Я проверял контракт.

— И?

— Там ничего не сказано про торт.

— Значит остается пространство для интерпретации.

— Джек...

— Уже лечу работать.

Экипаж начал постепенно разлетаться по станции.

Кира направилась к биологическому модулю.

Лейла — в медицинский отсек.

Такеши отправился делать то, чем занимался последние девять месяцев.

Фотографировать Землю.

Эмма собиралась закончить последние проверки энергосистем.

Финик проводил их взглядом.

А потом услышал рядом знакомый голос.

— Командир.

— Да?

— Мне нужна помощь.

Финик посмотрел на Джека.

— Серьезная помощь или твоя обычная помощь?

— На этот раз настоящая.

— Даже немного обидно.

— Не переживай.

— Что случилось?

— Нужно закончить подготовку возвращаемого груза.

Финик тяжело вздохнул.

— Ты специально дождался конца праздника?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что ты бы все равно согласился.

— Справедливо.

Они направились к грузовому отсеку.

Внутри плавали десятки контейнеров.

Часть оборудования возвращалась на Землю.

Часть научных образцов.

Личные вещи экипажа.

Результаты экспериментов.

Записи наблюдений.

Месяцы работы, аккуратно упакованные в стандартные транспортные боксы.

Некоторое время они работали молча.

Проверяли крепления.

Сверяли списки.

Подтверждали маркировку.

За годы службы Финик научился ценить такие моменты.

Тишина между друзьями часто значила гораздо больше разговоров.

В какой-то момент Джек закрыл планшет.

— Странно.

— Что именно?

— Завтра улетаем.

— Да.

— А я до сих пор не верю.

— Потому что устал.

— Возможно.

Джек закрепил очередной контейнер.

Потом некоторое время смотрел на него.

Словно задумался о чем-то своем.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Ты правда не против остаться один?

Финик поднял взгляд.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я бы не хотел.

— Это всего несколько недель.

— Несколько недель в компании консервных банок и компьютеров.

— Очень надежная компания.

— Не смешно.

— Немного смешно.

Джек покачал головой.

— Я серьезно.

Финик задумался.

На самом деле подобный вопрос ему уже задавали.

Не раз.

— Знаешь, когда я летел в первый космический полет, я

думал, что одиночество будет самой страшной частью профессии.

— А потом?

— Потом понял, что оно бывает разным.

— В каком смысле?

— Иногда можно чувствовать себя одиноким среди тысяч людей.

Джек молча слушал.

— А иногда находиться в сотнях километров от Земли и чувствовать себя частью чего-то большого.

— Красиво сказал.

— Сам удивился.

— Тогда почему не пишешь книги?

— Потому что приходится работать с тобой.

— Логично.

Они оба рассмеялись.

Через некоторое время работа была закончена.

Контейнеры закреплены.

Списки проверены.

Все готово к возвращению.

— Ну вот, — сказал Джек. — Теперь официально можно ничего не делать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я тебя знаю.

— И?

— Если оставить тебя без работы, ты снова начнешь подписывать растения Киры.

— Справедливо.

Они покинули отсек и медленно поплыли через центральный модуль станции.

В это время остальные члены экипажа тоже завершали последние дела.

Где-то впереди появилась Лейла.

Она буквально вылетела из медицинского отсека.

— Отлично, — сказала она.

— Что отлично? — спросил Финик.

— Все показатели в норме.

— Поздравляю.

— Кроме Джека.

— Что со мной?

— Ты съел слишком много праздничного торта.

— Это невозможно доказать.

— Я врач.

— Черт.

Лейла победно улыбнулась и полетела дальше.

Джек посмотрел ей вслед.

— Иногда она пугает меня больше космоса.

— Она услышит.

— Именно поэтому я сказал это тихо.

К станции постепенно возвращалось привычное вечернее спокойствие.

Работа была закончена.

Основные задачи выполнены.

Сирены не звучали.

Предупреждений не было.

Все системы работали идеально.

Редкость, которую любой астронавт воспринимал как подарок.

Позже экипаж снова собрался в общем модуле.

На этот раз уже без торта.

Хотя несколько его фрагментов все еще путешествовали по станции и периодически обнаруживались в самых неожиданных местах.

Эмма нашла кусочек шоколада внутри вентиляционной решетки.

Кира обнаружила крем возле своих растений.

А Такеши каким-то образом сфотографировал летающую крошку на фоне Австралии.

Что немедленно вызвало новый приступ смеха.

К полуночи по бортовому времени все постепенно начали расходиться.

Первой ушла Лейла.

За ней Эмма.

Потом Кира.

Такеши задержался чуть дольше остальных.

Как и всегда возле обзорного модуля.

Он сделал еще несколько снимков.

Посмотрел на Землю.

Потом аккуратно убрал камеру.

— Спокойной ночи, командир.

— Спокойной ночи, Такеши.

— Хороший день.

— Очень хороший.

Такеши кивнул.

И отправился к своей каюте.

Вскоре в модуле остались только Финик и Джек.

— Ну что, — сказал Джек. — Последняя ночь в космосе.

— Не последняя.

— Для меня последняя в этой экспедиции.

— Верно.

Некоторое время они молча смотрели в иллюминатор.

Под ними проплывал Тихий океан.

Огромный.

Темный.

Почти бесконечный.

— Знаешь, — неожиданно сказал Джек, — когда я был ребенком, мне казалось, что астронавты должны быть какими-то сверхлюдьми.

— А потом встретил нас?

— Да.

— И разочаровался.

— Немного.

— Спасибо.

— Не за что.

Джек улыбнулся.

Потом оттолкнулся от поручня.

— Ладно. Попробую поспать.

— Попробуй.

— До завтра, командир.

— До завтра, Джек.

Он исчез за поворотом.

И впервые за весь день Финик остался один.

Не совсем один.

Конечно нет.

В нескольких метрах находились остальные члены экипажа.

Но сейчас вокруг наконец воцарилась тишина.

Настоящая.

Редкая.

Особенная.

Финик подплыл ближе к огромному иллюминатору.

Под ним медленно вращалась Земля.

Дом.

Он подумал о Саре.

О племяннике.

О друзьях.

О том, как скоро сам вернется обратно.

Еще немного.

Совсем немного.

Несколько недель.

Потом новый экипаж.

Передача станции.

И домой.

Впервые за долгое время ему захотелось обычных вещей.

Прогуляться по улице.

Почувствовать ветер.

Услышать шум дождя.

Выпить кофе не из герметичного пакета.

Сесть на диван и ничего не делать.

Он смотрел на огни городов далеко внизу.

И не знал, что запомнит этот вечер на всю оставшуюся жизнь.

Не потому, что произошло что-то особенное.

Наоборот.

Потому что это был самый обычный, спокойный и счастливый день за многие месяцы.

Иногда именно такие дни остаются с человеком навсегда.

Глава 3. Тишина

Корабль исчез через двадцать три минуты после отстыковки.

Не мгновенно.

Не эффектно.

Не как в кино.

Он просто становился все меньше и меньше, пока человеческий глаз окончательно не перестал различать его среди звезд.

Финик продолжал смотреть в иллюминатор еще несколько минут после этого.

Привычка.

Многие астронавты делали так же.

Словно мозг отказывался принимать тот факт, что люди, с которыми ты провел почти год бок о бок, внезапно оказались так далеко.

За спиной тихо работали вентиляторы.

Пищали датчики.

Гудели насосы.

Станция жила своей обычной жизнью.

Но что-то изменилось.

Что-то очень заметное.

Финик понял это не сразу.

Только когда оттолкнулся от стекла и поплыл обратно в

центральный модуль.

Станция стала огромной.

Еще вчера она казалась тесной.

Повсюду были люди.

Кто-то пролетал по коридору.

Кто-то смеялся.

Кто-то разговаривал по связи.

Кто-то спорил.

Теперь пространство словно увеличилось вдвое.

Нет.

Втрое.

Каждый отсек вдруг стал казаться пустым.

Слишком пустым.

Финик проплыл мимо лаборатории Киры.

Растения продолжали спокойно расти внутри прозрачных контейнеров.

На одном из них по-прежнему висела надпись:

Генерал Базилик

Он покачал головой.

Кира так и не сняла наклейку.

Наверное, специально.

Финик вспомнил их утренний спор и невольно улыбнулся.

Потом улыбка исчезла.

Потому что рядом больше никто не смеялся.

Он поплыл дальше.

Медицинский модуль Лейлы выглядел идеально органи-

зованным.

Все инструменты на своих местах.

Все контейнеры подписаны.

Все закреплено.

Настолько аккуратно, что казалось, будто хозяйка помещения просто вышла на несколько минут.

Но Финик знал.

До ближайшей встречи оставались месяцы.

Он заглянул в отсек Такеши.

Пусто.

Без камеры.

Без фотографий, которые постоянно сушились на планшетах.

Без самого Такеши.

Странно, насколько быстро человек начинает ассоциировать помещение с конкретным человеком.

Словно часть личности остается жить внутри пространства.

К вечеру он поймал себя на первой глупой привычке.

Во время ужина автоматически достал шесть пакетов с едой.

Шесть.

Ровно столько, сколько они раскладывали последние месяцы.

Только спустя несколько секунд он понял, что делает.

Финик замер.

Посмотрел на лишние пакеты.

Потом молча убрал пять обратно.

В модуле вдруг стало неудобно.

Очень неудобно.

Он сел возле иллюминатора и начал есть.

Один.

За стеклом проплывала Земля.

Внизу сверкала Индия.

Огромное созвездие городов.

Миллионы огней.

Миллионы людей.

Миллионы разговоров.

А здесь — только он.

Странно.

Когда-то именно об этом он мечтал.

Тишина.

Спокойствие.

Время для себя.

Теперь он начинал понимать, почему люди так редко получают удовольствие от того, чего долго желали.

На следующее утро станция разбудила его за несколько секунд до сигнала будильника.

Точнее, разбудила не станция.

Тишина.

Финик открыл глаза.

Несколько секунд он не понимал, что именно его беспо-

КОИТ.

Потом дошло.

Никто не разговаривал.

Никто не двигался.

Не хлопали люки.

Не звучали голоса по внутренней связи.

Не ругался Джек.

Не спорила Кира.

Не смеялась Эмма.

Не бегала по станции Лейла.

Не фотографировал Землю Такеши.

Только вентиляторы.

Только насосы.

Только оборудование.

Станция превратилась в огромную машину.

И впервые за долгое время перестала быть домом.

День прошел спокойно.

Даже слишком спокойно.

Финик выполнял стандартные процедуры.

Проверял системы.

Отправлял отчеты.

Проводил диагностику оборудования.

Общался с Центром управления.

Все работало идеально.

Редкость для любого орбитального комплекса.

После обеда он получил видеосообщение от Сары.

Сестра сидела на кухне с кружкой кофе.

— Ну что, мистер одиночество, — сказала она вместо приветствия. — Как проходит жизнь короля космоса?

Финик рассмеялся.

— Королевство пока держится.

— Слышала, твой экипаж успешно сел.

— Да.

— Грустно?

Он задумался.

— Немного.

— Это нормально.

— Знаю.

— Через пару недель прилетят новые люди.

— Через три недели.

— Вот видишь.

— Ты всегда умеешь делать вид, что все просто.

— Потому что чаще всего все действительно просто.

Финик улыбнулся.

Сара всегда была такой.

Когда они были детьми, именно она умудрялась находить хорошие стороны даже в самых плохих ситуациях.

Иногда это раздражало.

Но чаще помогало.

— Кстати, — сказала она. — Мы с Максом уже спорим, кто первым встретит тебя в аэропорту.

— Макс жульничает.

— Согласна.

— Передай ему.

— Обязательно.

Разговор длился еще пятнадцать минут.

Когда экран погас, настроение неожиданно улучшилось.

Дом стал чуть ближе.

Третий день одиночества оказался самым странным.

Не потому что что-то произошло.

Наоборот.

Потому что не происходило ничего.

Совершенно ничего.

Настолько ничего, что мозг начал самостоятельно искать события.

Финик несколько раз ловил себя на том, что оборачивается на звуки, которых не существовало.

Один раз ему показалось, что кто-то позвал его по имени.

Он даже ответил.

Только потом вспомнил, что на станции больше никого нет.

— Отлично, — пробормотал он. — Три дня в одиночестве, и я уже разговариваю с призраками.

Станция никак не прокомментировала это замечание.

На четвертый день произошло нечто странное.

Настолько незначительное, что большинство людей даже не обратило бы внимания.

Во время утреннего сеанса связи с Землей сигнал внезап-

но исчез.

Всего на несколько секунд.

Потом вернулся.

Такое случалось.

Редко.

Но случалось.

Однако кое-что Финику не понравилось.

Перед тем как связь восстановилась, он услышал фрагмент чужого разговора.

Очень короткий.

Буквально несколько слов.

Мужской голос.

Взволнованный.

— ...нет подтверждения по северному сектору...

Помехи.

Тишина.

Потом связь восстановилась.

Оператор Центра управления продолжил разговор так, будто ничего не произошло.

Финик нахмурился.

— Повторите последнее сообщение.

— Какое именно? — удивился оператор.

— Перед отключением.

Пауза.

Секунда.

Две.

Три.

— Вероятно, помехи связи, Финик. Ничего важного.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Слишком подготовленно.

Но он не стал развивать тему.

В конце концов, подобное действительно иногда случалось.

Он закрыл канал связи.

Несколько секунд смотрел на экран.

Потом пожал плечами.

И вернулся к работе.

Однако неприятное ощущение осталось.

Совсем слабое.

Почти незаметное.

Будто маленький камешек попал в ботинок.

Не больно.

Но раздражает.

И чем дольше идешь, тем сильнее начинаешь его чувствовать.

Пока Финик этого не понимал.

Но именно в этот день что-то начало меняться.

Очень медленно.

Почти незаметно.

Как первая трещина на стекле, которое еще кажется совершенно целым.

После инцидента со связью Финик старался не думать об

этом.

За годы работы он видел достаточно странностей, чтобы не превращать каждую техническую проблему в заговор.

Связь на орбите никогда не была идеальной.

Спутники переключались.

Сигналы отражались.

Оборудование иногда ошибалось.

Ничего необычного.

По крайней мере именно это он повторял себе весь остаток дня.

Однако вечером произошло еще кое-что.

Он как раз заканчивал проверку системы регенерации воздуха, когда заметил необычную отметку на одном из служебных экранов.

Обычно в зоне прямой видимости станции одновременно находились десятки объектов.

Спутники связи.

Научные аппараты.

Грузовые платформы.

Различный орбитальный мусор.

Компьютер автоматически отслеживал их траектории.

Большинство астронавтов даже не обращали на это внимания.

Финик тоже редко смотрел на этот экран.

Но сейчас одна из отметок мигала желтым цветом.

Он приблизил изображение.

Небольшой спутник связи.

Ничего особенного.

Кроме статуса.

Сигнал потерян.

Финик нахмурился.

Потом открыл список объектов.

Еще один спутник.

Тот же статус.

Еще один.

И еще.

Четыре спутника.

Все перестали отвечать в течение последних двадцати часов.

Странно.

Очень странно.

Но пока не критично.

Любая крупная орбитальная группировка периодически теряла отдельные аппараты.

Такое случалось.

Финик сделал пометку в журнале и отправил запрос на Землю.

Ответ пришел почти через час.

Необычно долго.

Обычно подобные сообщения обрабатывались гораздо быстрее.

Ответ оказался коротким:

"Ситуация известна. Причин для беспокойства нет."

И все.

Никаких пояснений.

Никаких деталей.

Финик перечитал сообщение дважды.

Потом закрыл окно.

Странно.

Но все еще недостаточно странно.

На следующий день отменили видеосвязь с семьей.

Это уже действительно было необычно.

Финик ждал еженедельный разговор с Сарой почти весь день.

Время было согласовано заранее.

Все как обычно.

Но за десять минут до начала пришло уведомление.

Сеанс связи перенесен.

Без объяснений.

Он связался с Центром управления.

— Есть какие-то проблемы?

Оператор появился на экране почти сразу.

Молодой мужчина.

Финик видел его раньше несколько раз.

Кажется, его звали Томас.

— Технические трудности, — ответил оператор.

— Какие именно?

— Наземные коммуникации.

— Серьезные?

— Нет.

Слишком быстрый ответ.

Снова.

— Когда восстановят?

— Пока информации нет.

Финик внимательно посмотрел на собеседника.

Что-то было не так.

Совсем не так.

Томас выглядел уставшим.

Словно не спал всю ночь.

Под глазами появились темные круги.

Рубашка была помята.

На заднем плане кто-то быстро прошел мимо камер.

Потом еще кто-то.

Обычно Центр управления работал спокойно.

Размеренно.

Сейчас там ощущалось напряжение.

Почти физически.

— Томас.

— Да?

— Все в порядке?

Оператор на секунду замолчал.

Очень короткая пауза.

Но Финик ее заметил.

— Конечно.

Ложь.

Не явная.

Не грубая.

Но ложь.

Финик почувствовал это мгновенно.

Такое чувство появляется у любого командира после многих лет работы с людьми.

— Хорошо, — сказал он.

— Хорошего дня, Финик.

Экран погас.

Некоторое время он продолжал смотреть на собственное отражение.

Потом выключил терминал.

На душе стало тревожно.

Без причины.

Точнее причина была.

Но слишком расплывчатая.

Слишком неуловимая.

Вечером он решил отвлечься.

И отправился в обзорный модуль.

Это всегда помогало.

Если прожить достаточно долго в космосе, начинаешь воспринимать Землю как лекарство.

Плохое настроение?

Посмотри на планету.

Усталость?

Посмотри на планету.

Раздражение?

Посмотри на планету.

Экзистенциальный кризис?

Особенно посмотри на планету.

Феник завис возле огромного стеклянного купола.

Под ним медленно проплывала Европа.

Ночь.

Города сияли золотыми огнями.

Сотни миллионов людей занимались своими делами.

Кто-то ужинал.

Кто-то спал.

Кто-то влюблялся.

Кто-то ссорился.

Кто-то рождался.

Кто-то умирал.

Жизнь продолжалась.

Как всегда.

И именно поэтому следующая деталь показалась ему такой странной.

Один из крупных городов выглядел непривычно темным.

Феник нахмурился.

Потом включил увеличение.

Облака.

Нет.

Не облака.

Отключение электроэнергии?

Возможно.

Иногда подобное происходило.

Но площадь была слишком большой.

Слишком большой.

Он сделал снимок.

Отправил в архив.

На всякий случай.

Ночью его разбудил сигнал тревоги.

Финик открыл глаза мгновенно.

Тренировки сработали быстрее сознания.

Красный индикатор мигал над дверью каюты.

Сердце ускорилося.

Он отстегнул ремни и буквально вылетел в коридор.

Станция была тихой.

Слишком тихой.

На центральной панели горело предупреждение.

Финик быстро просмотрел данные.

И выдохнул.

Ложная тревога.

Один из внешних датчиков потерял синхронизацию.

Ничего опасного.

Несколько секунд он просто висел возле панели.

Слушая собственное дыхание.

Потом посмотрел на время.

03:17.

До подъема оставалось еще почти три часа.

Он уже собирался вернуться в каюту.

Но вдруг заметил кое-что еще.

На одном из резервных каналов связи мигал непрочитанный пакет данных.

Очень странно.

Он открыл сообщение.

Перед глазами появился служебный текст.

Обычный.

Ничего необычного.

Кроме времени отправки.

Пакет был отправлен почти семь часов назад.

И только сейчас добрался до станции.

Такого быть не должно.

Задержки случались.

Но не такие.

Не в современных системах связи.

Финик нахмурился.

Потом открыл журнал передачи.

Еще один пакет.

Еще один.

Еще два.

Все пришли с сильной задержкой.

Словно где-то между Землей и орбитой возникла пробка.

Невозможная цифровая пробка.

Он долго смотрел на экран.

Потом закрыл журнал.

Слишком много мелочей.

Слишком много совпадений.

Каждая по отдельности ничего не значила.

Потерянные спутники.

Перебои связи.

Уставшие операторы.

Отмененные звонки.

Странные задержки данных.

Темные участки на ночной стороне Земли.

Ничего критического.

Но вместе они начинали складываться в картину.

Проблема заключалась лишь в одном.

Финик пока не понимал, что именно изображено на этой картине.

И почему с каждым днем она нравилась ему все меньше.

Следующие два дня прошли странно.

Не страшно.

Именно странно.

Финик несколько раз ловил себя на том, что пытается понять, что именно его беспокоит.

Проблема заключалась в том, что ничего конкретного не происходило.

По отдельности каждое событие выглядело совершенно безобидно.

Вместе они создавали ощущение приближающейся грозы.

Той самой, когда воздух еще остается теплым, солнце светит как обычно, но где-то внутри уже появляется уверенность, что скоро все изменится.

На шестой день одиночества связь с Сарой снова отменили.

На этот раз без объяснений.

Финик получил сухое уведомление от Центра управления.

Личный сеанс связи перенесен на неопределенное время.

Он перечитал сообщение дважды.

Потом открыл канал связи.

Ответ пришел только через пятнадцать минут.

Необычно долго.

Слишком долго.

На экране появился незнакомый оператор.

Женщина лет сорока.

Уставшая.

Очень уставшая.

Будто последние несколько суток она практически не спала.

— Центр управления на связи.

— Я хотел уточнить по поводу семейного сеанса.

— Информации пока нет.

— Это уже второй перенос.

— Да.

— Что происходит?

Женщина на секунду отвела взгляд.

Совсем ненадолго.

Но Финик заметил.

— Технические трудности.

Снова эта фраза.

За последние дни он слышал ее слишком часто.

— Какие именно трудности?

— Наземные коммуникационные проблемы.

— По всему миру?

На этот раз пауза оказалась длиннее.

Секунда.

Две.

Три.

— Финик, продолжайте выполнять текущий план работ.

— Это не ответ.

— Это распоряжение.

Финик замолчал.

Подобный тон для Центра управления был крайне необычен.

Очень необычен.

Особенно по отношению к командиру станции.

— Принято, — ответил он наконец.

Экран погас.

Впервые за всю экспедицию разговор с Землей оставил

после себя неприятный осадок.

В тот же день произошел еще один случай.

Финик проводил плановую проверку оборудования связи.

Процедура была скучной.

Монотонной.

Именно поэтому он едва не пропустил момент, когда в наушниках внезапно появился чужой голос.

— ...повторяю, подтверждения нет...

Шипение.

Помехи.

Еще один голос.

— ...потерян контакт с...

Снова шум.

Потом третий голос.

Незнакомый.

Взволнованный.

Очень взволнованный.

— ...уровень готовности поднят до...

Связь оборвалась.

Финик резко выпрямился.

Несколько секунд он сидел неподвижно.

Потом быстро открыл журнал приема.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Будто разговор никогда не существовал.

Он проверил частоты.

Проверил резервные каналы.

Проверил архив.

Пусто.

Никаких записей.

Никаких следов.

Только память.

И несколько обрывков фраз.

Финик почувствовал, как внутри постепенно растет беспокойство.

Что бы ни происходило на Земле, это явно не были обычные технические неполадки.

Вечером он снова отправился в обзорный модуль.

В последнее время это стало привычкой.

Наверное, слишком частой.

Но Земля помогала думать.

Особенно когда вопросов становилось больше ответов.

Станция проходила над Северной Америкой.

Ночная сторона планеты сияла миллионами огней.

Именно тогда он заметил первую по-настоящему странную вещь.

Несколько ярких вспышек.

Очень далеко.

На границе видимого горизонта.

Финик нахмурился.

Обычно подобное означало грозу.

Но вспышки выглядели иначе.

Слишком короткими.

Слишком яркими.

И слишком регулярными.

Он включил увеличение.

Камера начала медленно наводить резкость.

Изображение дрогнуло.

Настроилось.

Финик смотрел несколько секунд.

Потом еще несколько.

И еще.

Но так и не смог понять, что именно видит.

Вспышки уже исчезли.

Словно их никогда не было.

Он сделал несколько снимков.

На всякий случай.

Потом отправил запрос на Землю.

Ответа не последовало.

Через четыре часа запрос все еще оставался без ответа.

Такого раньше не случалось.

Никогда.

За все годы существования станции.

Финик открыл список входящих сообщений.

Последний пакет данных от Центра управления пришел

почти шесть часов назад.

Никаких новых инструкций.

Никаких обновлений.

Никаких отчетов.

Станция словно начала постепенно терять связь с миром.

Не полностью.

Пока еще нет.

Но что-то явно происходило.

Что-то серьезное.

Очень серьезное.

Он снова попытался вызвать Землю.

— Центр управления, это МКС. Прием.

Тишина.

— Центр управления, ответьте.

Помехи.

Шипение.

И больше ничего.

Финик почувствовал, как неприятный холодок пробежал по позвоночнику.

Связь никогда не исчезала полностью.

Для этого требовалось нечто действительно масштабное.

Очень масштабное.

Он переключился на резервный канал.

Потом на аварийный.

Потом на международную сеть.

Научные станции.

Ретрансляторы.

Орбитальные службы.

Любой канал.

Любой голос.

Любой ответ.

Несколько минут он слышал только шум.

Потом неожиданно связь ожила.

На долю секунды.

Из динамиков вырвался чей-то крик.

Настолько искаженный помехами, что невозможно было разобрать слова.

Затем снова наступила тишина.

Финик медленно убрал руку от панели.

Сердце билось быстрее обычного.

В голове начали появляться мысли, которые раньше казались абсурдными.

Катастрофа?

Война?

Глобальная авария?

Нет.

Слишком рано для выводов.

Слишком мало данных.

Он заставил себя успокоиться.

Сел возле панели управления.

Открыл журнал.

Начал методично записывать все произошедшее за последние дни.

Как его учили.

Как он делал всегда.

Факты.

Только факты.

Без догадок.

Без эмоций.

Потеря спутников.

Перебои связи.

Отмененные сеансы.

Необычные переговоры.

Задержки передачи данных.

Вспышки на поверхности.

Отсутствие ответов от Центра управления.

Когда список оказался перед глазами, Финик долго смотрел на него.

Слишком длинный список.

Слишком много совпадений.

И впервые за все это время он честно признался самому себе:

На Земле происходит что-то очень плохое.

Он просто еще не знал насколько.

Финик почти не спал.

Он несколько раз пытался заставить себя вернуться в каюту.

Лечь.

Закрыть глаза.

Отдохнуть хотя бы несколько часов.

Но каждый раз возвращался к панели связи.

Станция продолжала двигаться по орбите.

Системы работали нормально.

Датчики показывали штатные значения.

Для МКС это был совершенно обычный день.

Возможно, один из самых спокойных за последние месяцы.

И именно это пугало сильнее всего.

Потому что где-то внизу явно происходило что-то ненормальное.

А здесь, на высоте четырехсот километров, мир выглядел прежним.

Слишком прежним.

Он снова открыл канал связи.

— Центр управления, это командир станции Финик Нова.

Прием.

Шипение.

— Прием.

Помехи.

— Ответьте.

Тишина.

Он уже собирался отключить передачу, когда динамик внезапно ожил.

Настолько резко, что Финик вздрогнул.

— ...прием... прием...

Голос.

Женский голос.

Незнакомый.

Очень уставший.

— Это МКС. Кто на связи?

Несколько секунд слышались только помехи.

Потом голос вернулся.

— Слава богу...

Финик нахмурился.

Так не разговаривают операторы Центра управления.

Никогда.

— Представьтесь.

— Оператор связи Эшли Грейсон...

Помехи.

— ...резервный центр...

Шипение.

— ...если вы слышите, подтвердите.

— Слышу вас отлично.

На другом конце линии послышался долгий выдох.

Словно человек несколько часов ждал этого контакта.

— Какова ситуация на станции? — спросила Эшли.

— Все системы работают штатно. Мне нужна информация о происходящем на Земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.